

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра русской литературы XX века

Образ главного героя в романе Захара Прилепина «Патологии»

Автор: А.И.Богатырева

Содержание

Введение -----	2
1. Отношение героя к Богу-----	5
2. Отношения героя с любимой девушкой и его взгляды на семью -----	11
3. Война и «пацанское окружение». -----	25
Заключение -----	40
Список использованных источников -----	42

Введение

Мы решили проанализировать в своей работе образ главного героя – Егора Ташевского, персонажа отчасти автобиографичного, ведь Захар Прилепин сам принимал участие в военных действиях. Многие критики живо рассуждают о внешнем и внутреннем облике героя, соотнося его с реалистичной и страшной картиной войны, данной в романе. И хотя мнения многих сходятся на том, что боевые действия переданы в произведении очень жизненно, а «Патологии» - одна из лучших современных книг о войне, когда разговор касается главного героя, начинаются разночтения. Поэтому мы считаем целесообразным, прежде чем приступать непосредственно к исследованию, изучить мнения различных авторов на этот счет.

Валерия Пустовая в своей статье «Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель» пишет: «Егор Ташевский не воин, не герой. Он человек хрупкой психики, ломкой смелости, не сумевший вписать войну в свое представление о нормальном». Нам кажется это довольно точной характеристикой героя, которую, однако, стоит принять с некоторыми поправками. Действительно, образ Егора включает в себе множество сложных черт, переплетающихся между собой и создающих его специфическое мироощущение, свойственное человеку, которому в жизни приходилось много страдать. Но все же Егор не сломан, и хотя, может быть, он не герой, но все же воин, и в своем исследовании мы обратим особое внимание на часть повествования, затрагивающую военную жизнь героя, и постараемся понять, чем вызвана «ломкая смелость» Ташевского, и действительно ли она такова. Также Пустовая отмечает: «Перепады отчаяния и порыва к выживанию, постоянно совершающиеся в душе героя, демонстрируют хрупкость и — в то же время — неистребимость жизни в человеке»¹. Для подобного суждения действительно есть веские основания —

¹ Пустовая, В. «Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель» [Электронный ресурс] / В. Пустовая. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/пу9.html. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.

сама тема войны задает один из основополагающих конфликтов жизни и смерти, и на протяжении всей книги эти две стороны бытия постоянно соседствуют. В ходе нашей работы мы постараемся выявить, какой же из них автор позволяет взять верх.

В свою очередь с заявлением Натальи Курчатовой о том, что «Главный герой и альтер-эго автора Егор Ташевский не только не обременен никакими особыми патологиями, но, в отличие от самого Захара, не имеет даже четко выраженных политических взглядов» мы позволим себе не согласиться. Безусловно, яркими политическими предпочтениями Егор Ташевский не обладает, но тем не менее мы можем заметить явную «ненормальность» его жизненного восприятия, те самые «патологии», которые нашли свое отражение в названии романа. В исследовании мы постараемся свое мнение по этому поводу объективно доказать. Впрочем, в другом Наталья Курчатова отчасти права: «как бы ни ругали любовную линию “Патологий” за избыточность, она объективно нужна, поскольку она: а) сообщает ультранормальному персонажу какие-то интимно-индивидуальные черты, б) подчеркивает его несколько даже кондовую, полувымершую сейчас, нутряную мужественность — перед своей женщиной Егор благоговееет, одержим ею и совершенно ее не понимает». «Ультранормальным» Егора после выпавших на его долю испытаний назвать сложно, но описание отношений героя с любимой девушкой действительно необходимо в контексте романа. Далее мы определим, какую именно функцию она выполняет в определении всего образа Ташевского.

В заключение Курчатова заявляет: «В итоге получается вполне себе симпатичный и живой человек, вынужденный по стечению обстоятельств заниматься крайне несимпатичными делами <...> У него [Прилепина] получился, что называется, “типический герой” с некоторыми облагораживающими поправками на мировосприятие автора»². Можно

²Курчатова, Н. «Захар Прилепин. «Патологии»» [Электронный ресурс] / Н. Курчатова. – Режим доступа: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/662.html. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.

согласиться с тем, что Егор Ташевский – живой образ, и военная деятельность претит его представлениям о правильном. К тому же вряд ли героя можно назвать типическим, он обладает ярко выраженными индивидуальными чертами, которые являются далеко не только «облагораживающими поправками».

В свою очередь Владимир Бондаренко в статье «Иди и воюй» точно отмечает, характеризуя Егора и его друзей из отряда как «нормальных русских ребят, вначале ещё и не понимающих, что такое смерть, и как можно убивать стоящих перед тобой с виду мирных людей». Ниже автор добавляет: «Придет время, и уже опытные, обстрелянные ребята сами будут рваться в бой и мстить за погибших друзей. И отказываться даже контуженные и раненые - уходить из отряда, потому что уже их всех связывает какое-то смертельное братство. Придет время, и во время боя выбитые из своего здания бойцы не будут уже чувствовать ни холода, ни голода, будут брести часами по холодной воде, ибо выйти из воды - означало умереть»³. Эволюцию характера главного героя на войне мы проследим в отдельной части нашего исследования.

Светлана Корчагина совершенно точно характеризует физиологический аспект видения жизни героем: «Человеческое тело низводится до "мяса"». Причину этого она обозначает так: «В романе Захара Прилепина "Патологии" воссоздано мироощущение человека на войне и после войны. Одно из главных ощущений нормального человека, попавшего в патологические условия – тварный страх смерти». С. Корчагина так же выделяет один из ведущих мотивов романа: «Существование любимых женщины и ребенка оказывается для героя пропуском в жизнь, перед которой разрушение отступает», а потом делает вывод о концепции сюжетного развития «Патологий»: «Мальчик – символ возрождения, новой жизни. Так Егор преодолевает разрушение, угрозу смерти в самом себе. Это

³ Бондаренко, В. Иди и воюй [Электронный ресурс] / В. Бондаренко. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/08/m48979.htm>. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.

духовная победа, к которой герой пришел через экзистенциальное осознание хрупкости и тварности человеческого тела. <...> Герою было бы проще (с точки зрения чувства самосохранения) оставить мальчика»⁴.

Таким образом, видно, что определяющим в романе является образ главного героя Егора Ташевского, и в этой связи нашей целью является проанализировать именно его. Постановка цели определяет набор задач:

- 1) определить источник силы героя-воина и причины его уязвимости;
- 2) выяснить, имеет ли герой «патологии», и если да, то каков их источник;
- 3) исследовать соотношение в образе телесного и духовного начал, их борьбу и взаимопроникновение;
- 4) проанализировать героя в контексте его окружения.

Для достижения данных целей нам необходимо избрать верные методы. За этим мы обратились к работе В.Е.Хализева «История литературы». Он пишет: «Персонажи характеризуются с помощью совершаемых ими поступков (едва ли не в первую очередь), а также форм поведения и общения (ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом себя ведет), черт наружности и близкого окружения (в частности - принадлежащих герою вещей), мыслей, чувств, намерений»⁵. Перечисленный круг исследовательских возможностей и станет основой нашей работы.

Отношение героя к Богу

Начиная разговор об образе главного героя романа Захара Прилепина «Патологии», Егоре Ташевском, обратимся к изображению его отношения к Богу. Хронологически первым обращением героя к Всевышнему является фраза отчаяния, написанная им еще в раннем детстве, когда он едва умел

⁴ Корчагина, С. Онтология войны [Электронный ресурс] / С. Корчагина. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/idea/20/4468>. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.

⁵ Хализев, Валентин Евгеньевич. Теория литературы : Учеб.для вузов .— 2-е изд. — М. : Высш.шк., 2000 .— 398 с. – С. 102-129

писать, в состоянии глубокого, неосознаваемого еще горя после смерти отца: «После похорон я пришел домой, поставил кипятить чай, взялся подметать пол. Потом бросил веник и под дребезжанье ржавого чайника написал на стене: «Господи блядь гнойный вурдалак», – я вспомнил, как пишется буква «в» [42]. Это по-детски наивное и яростное оскорбление Творцу, нанесенное ему ребенком, который разочаровался в непоколебимости своего уютного, надежного, прочного мира так внезапно и остро, навсегда оставит след в образе Егора. Герой обижен на Бога так же, как, отчасти, обижен и на отца, который его «бросил», посмеив умереть: «Отец не мог меня бросить» [40] думал Егор в свои шесть лет. Не мог, но все же бросил. В сознании маленького мальчика внезапное сиротство изначально не воспринимается как трагедия, бурно выплескивающаяся наружу – внешне он будто спокоен, говорит о том, что вспомнил, как пишется «в» и грязных полах наравне со своим гневом по отношению к небесам, будто низводя его до такого же бытового события. Но на самом деле это деланное равнодушие можно образно назвать «обмороком чувств» - еще мальчиком Егор стал иначе, чем все, относиться к жизни, его эмоции все внутри, но от этого они не становятся менее яркими.

Испытав столь сильное потрясение в нежном возрасте, герой навсегда внутренне сжился с сомнением в величии Господа. Он прямо отождествляет Бога с этим своим доминирующим с детства чувством сироты, большую часть жизни проведшего без должной любви: «Верят те, кто умеет сомневаться, чьи сомненья неразрешимы. Не умеющие разрешить свои сомненья начинают верить. Звери не умеют сомневаться, поэтому и верить им незачем. А человек возвел свое сомнение в абсолют» [51]. В этой цитате Егор явно противопоставляет себя верующим, как будто даже презирает их, отчасти отождествляя себя с животными, хотя его сомнение – неотступно. Он сомневается в том, что уникален для своей девушки, и вечно терзается им же самым выдуманнами призраками ее прошлого, сомневается в смысле войны, в Боге, в жизни и смерти. Когда в ответ на его приведенную выше реплику

его вечный оппонент в вопросах религии, сослуживец по прозвищу Монах, отвечает, что «Человек возвел в абсолют не страх свой и не сомнение, а свою любовь. Любовь с большой буквы, неизъяснимую...» [51], Егор вновь подводит их спор к иным вопросам, вызревшим у него в результате его сомнений, будто не понимая вовсе, что такое – эта идеальная любовь: «Бог дал человеку волю бороться со злом и разум, чтобы он мог отличить напрасный гнев от гнева ненапрасного... Я просто чувствую, что гнев мой не напрасен» [52]. Этими словами Ташевский будто ставит себя на одну ступень с Богом, в то время как Монах верит, что «Бессмысленно бороться со злом – на все воля Божия» [52], герой уверен, что он сам может решить, что является злом и как его следует уничтожить. «Бог наделяет божественным смыслом само рождение человека – появление существа по образу и подобию Господа. А свою смерть божественным смыслом должен наделить сам человек» [281] говорит еще позже Егор, еще раз подтверждая свою уверенность в могуществе человека и в том, что каждый – сам хозяин своей судьбы. Самого Бога Ташевский в это время представляет всего лишь ребенком – таким же, каким был сам, когда умер его отец: «Бог держит землю, как измученный жаждой ребенок чашку с молоком: с нежностью, с трепетом... Но может и уронить...» [281] снятся ему слова после очередного спора с Монахом.

И хотя, опять же, внешне Егор выглядит уверенным в этом своем человеческом величии, приравненном к божественному, в его поступках и мыслях проглядывает все же презираемое им сомнение. Когда Сергей Монах замечает ему: «Ты очень много говоришь о том, чего не способен почувствовать», Ташевский ничего не возражает в ответ. Он будто сам чувствует свою неискренность, проглядывающую то здесь, то там. Не так просто он заводит эти бесконечные споры с Сергеем, прекрасно зная, что они ни к чему не приведут, недолюбливая Монаха – и все же стараясь хоть что-то для себя выяснить. А именно – ту уверенность, что Бог все же есть, и что он Всесилен, и уж во всяком случае сильнее, чем человек.

Надежда на это не единожды вспыхивает в Егоре в моменты наивысшей опасности, и тогда он с неумелыми, порывистыми и неожиданными для самого себя молитвами, которым его никто никогда не учил, обращается к Небесам: «Господи, только бы не сейчас! Ну, давай чуть-чуть попозже, милый Господи! Милый мой, хороший, давай не сейчас!» [61] просит он об отсрочке смерти, когда бежит под прицелом врагов; «Помолитесь, что ли? – думаю. – Ни одной молитвы не знаю. Господи-Господи-Господи-Господи...» [176] – перед сложным заданием; и, наконец, во время финальной «мясорубки», когда жизнь его на волосок от смерти и сослуживцы гибнут один за другим, Егор думает: «Сейчас мы отсюда выйдем, и все кончится! Господи, помилуй, Господи! Прости меня, Господи! Я больше никогда, никого, никогда!» [306].

Таким образом, мы видим, что на деле Ташевский сам оспаривает свои же слова о власти человека над своей судьбой. Бог – дитя с чашей молока, но и сам человек – ребенок, пришедший у него просить милости: жизни или любви. Егор, брошенный матерью, росший сиротой после смерти отца, даже потерявший преданность своей собаки (однажды мальчиком герой увидел Дэзи во время ее спаривания с чужим кобелем, и это его потрясло: «Обида за то, что она так себя ведет, так вот может делать, раздирала мое детское сердце» [76], Егор обругал собаку, бросал в нее камни, и «с тех пор она только так и смотрела на меня, брезгливо» [75]), теперь патологически ревностно относится к любимым им людям. Вернее даже будет сказать – человеку, поскольку в его настоящей жизни любит он только свою девушку, Дашу. Отношению к ней будет посвящена отдельная часть нашего исследования, но сейчас стоит отметить, что «патологии» героя проявляются отнюдь не только на войне. Они родом еще из детства, юности. И любовь его патологическая, а не божественная, более того – божественной он не приемлет в принципе, как видно из его спора с Монахом. Раны, получаемые Егором на протяжении всей жизни, приводят к тому, что все его платонические, светлые чувства приобретают патологический, плотский

характер, можно сказать, материальный. Стоит кстати отметить, что не раз возникает параллель собаки-люди в сознании Егора: и в ситуации с Дэзи, когда ее «блуд» герой воспринимает как такое же предательство, как прежние романы Даши; и когда Ташевский рассказывает о паре собак в вольере возле дома Даши, их разлуке и воссоединении, как и сам герой терзался ее бывшими мужчинами, но успокоился позже; в описании торговки-чеченки: «торговка смотрит на БТР, глаза ее источают животное презрение. Так смотрит собака, сука, если ее ударишь в живот»; в воспоминаниях о счастье с Дашей: «видел свои по-собачьи счастливые глаза» [56]; в сценах с убийством собаки в начале романа и с мольбой о прощении, исповеди собаке в финале романа. Между тем можно вспомнить, что собаки в библейской традиции считаются не чистыми животными, и такое сопоставление лишней раз подтверждает внутренний протест героя против Бога. В человеке подчеркивается животное, а не духовное.

Когда Егор узнает, что в жизни своей девушки он был далеко не единственным мужчиной, несмотря на то, что все остальные были «до», это адски терзает и мучает его. И он вновь в отчаянии обращается к Богу: «Ну зачем она? А? Зачем она так? Что она? Что она, не могла, что ли, как-нибудь по-другому? Господи мой, не могу я! Дай мне что-нибудь мое! Только мое!» [137]. И несмотря на это Ташевский вновь отвечает неприятием на фразу Сергея Монаха о том, что истинная жена, которую можно любить (вновь эта неясная для Егора в платоническом плане категория), «живет единой плотью только со мной» [205]. От этих слов у Ташевского «что-то гадко екает внутри» [205] – вновь проявляется его несогласие с канонами религии, он пытается поддеть Монаха, раздражается, но это происходит лишь оттого, что он слышит со стороны выражение собственных тайных внутренних страхов, которые напрасно пытается заглушить. Осознание внутреннего дисбаланса с общепринятыми канонами церкви терзает и мучает его. Он хочет поспорить – и не может. Вместо этого сам внутренне упрекает любимую Дашу библейскими фразами: «"Разве вы не знаете, что тела ваши суть члены

Христовы?" Разве ты не знаешь? Вновь заглядывал ей в глаза, ничтожный, не понимающий ни ее, ни себя <...> "Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, которого имеете вы от Бога, и вы не свои. Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии..."» [267]. Егору неясно, как могла она позволить себе осквернять прежде, до него, свое тело, храм, ведь Даша должна была всегда быть такой чистой, какой является его в глазах: «словно грудной ребенок перед кормлением» [17].

Противоречие души и разума, души и тела есть главный источник развития «патологий» героя. Внутреннему, духовному желанию обратиться за помощью к Господу, проникнуться его чистотой, противоречит несогласие изломанного в детстве разума, отвыкшего доверять кому бы то ни было, даже Всевышнему, из подросткового упрямства и страха. Так же естественная, чистая жажда жизни, исходящая изнутри, честность помыслов и любви, перекрывается животным страхом смерти и плотскими инстинктами. Любовь к Даше выводится на уровень ее сексуальных отношений с другими мужчинами, а страх смерти приходит из звука биения собственного сердца: «Мне с детства был невыносим звук собственного сердца. Если ночью, во сне, я, ворочаясь, ложился так, что начинал слышать пульсацию, сердцебиение, – скажем, укладывал голову на плечо, – то пробуждение наступало мгновенно. Стук сердца мне всегда казался отвратительным, предательским, убегаящим. С какой стати этот нелепый красный кусок мяса тащит меня за собой, в полную пустоту и темень? Я укладывал голову на подушку и успокаивался – тишина... никакого сердца нет... все в порядке... И я засыпал» [16]. В этой цитате переплетается духовное и телесное для героя. Сердце для него одновременно и «красный кусок мяса», который «тащит» его в смерть – то есть очевидно физическое, и в то же время фраза «нет сердца» в общекультурном плане значит скорее «нет чувств». Егор, спасаясь от звука собственного пульса, убегает от своей души, чувствительности. Чем меньше он чувствует, тем проще жить, тем крепче панцирь, тем сложнее его

обидеть и ранить. Поэтому герой снова и снова выскальзывает из платонического уровня существования в плотский, «патологический».

Отдельного внимания заслуживает финальная сцена романа, в которой тоже присутствует библейская реминисценция. Герой, который уже едет домой с теми, кто остался в живых из его сослуживцев, наблюдает за тем, как парни играют с прибившейся к ним дворнягой: «Вся тварь совокупно стенает и мучится доныне», – выплыла в моей голове большая, как облако, фраза. Мне казалось, что я плачу и собаку обнимаю. Что шепчу: «Сученька моя, прости меня, сученька... пусть меня все простят... и ты, сученька моя...» Мне так казалось. Но я не плакал, глядя сухими глазами в потолок. Ни у кого и ни за что не просил прощенья» [332]. Здесь Егор смешивает себя, изломанного ужасами войны, с животными, и проникается к ним братским чувством сочувствия, сострадания, но при этом не сам опускается до их уровня, а неожиданно поднимает собаку до своего, человеческого. В нем просыпается душа, жаждущая исповеди, прощения за все совершенное, пусть хотя бы даже собачьего, если люди так слабы, смертны, так зависимы от земного – друзья его погибли, любимая девушка далеко. Впрочем, просыпается – не совсем верно. Скорее вспыхивает небольшая искра, надежда на возрождение, которая может погаснуть с любой момент – поскольку на самом деле Егор «ни у кого ни за что не просил прощенья». Возможно, именно потому, что признал: если все было так, значит, на то воля Божия.

Отношения героя с любимой девушкой и его взгляды на семью

Одной из ведущих характеристик персонажа является его сиротство. Об этом читатель узнает даже раньше, чем рассказчик представляется: «А у меня батя помер... Я из интернатовских, – зачем-то говорю я Хасану, в том смысле, что и без папани люди живут. – И мать меня тоже бросила, я ее даже не помню... – добавляю бодро <...> Хасана явно не очень волнует биография Егора Ташевского. Егор Ташевский – это я» [35]. Рано познанное одиночество ощущается сказывается на внутреннем, психологическом облике героя, на его отношении к окружающим людям. Так, он преувеличенно-

восторженно воспринимает Дашу: «Взросший вне женщин, я воспринимал ее как яркое и редкое новогоднее украшение, трепетно держал ее в руках. И помыслить не мог – как бывает с избалованными чадами, легко разламывающими в глупой любознательности игрушки – о внутреннем устройстве этого украшения, воспринимал ее как целостную, дарованную мне благодать» [111]. Герой сам отмечает, что отсутствие в детстве материнского внимания отражается в его сегодняшнем облике. Мать ушла от мужа и бросила ребенка, и оттуда, из детства, Егор вынес страх того, что в любой момент он неожиданно может оказаться не единственным, ненужным. В нем, взрослом и грозном воине, сохранились детские комплексы: «Мамочка! – зову я про себя женщину, которую не помню. – Куда мне спрятаться?!» Единственная женщина из прошлого, которая появляется в настоящем Егора – его воспитательница: «я говорил слова, подобные тем, что произносила мне воспитательница в интернате: «"Ра-аз, два-а, три-и... – затем торжественно, – больше! – с понижением на полтона, – не! – и, наконец, иронично-нежно, – пла-ачем!" Сидя на ящике, я повторял себе: "Раз! Два! Три! Думаем о другом!"» [137]. Однако это «полувоспоминание» не спасает: «о другом не получалось» [137]. Егор жаждет получить сегодня ту любовь, которую ему недодали в детстве, и отдать свое тепло, и объектом для этого он выбирает свою девушку.

Даша – персонаж противоречивый, и Егором она воспринимается двойственно. Любимая спасает Егора от многих его страхов, но она и губит его, создавая своими руками непереносимый для героя кошмар.

Так, воспоминания об уюте их дома (изначально не омраченные ревностью) посещают героя в самые трудные моменты: «– Егорушка, я здесь, алло!.. Голос ее застигал меня вешающего трубку. – ...Егор, на крышу. Буди своих». [28] Свет этих воспоминаний помогает герою жить дальше. Он воспринимает любимую как спасение от всех своих проблем: «В телефонной трубке, словно в медицинском сосуде, как живительная жидкость переливался ее голос. Она говорила, что ждет меня, и я верил, до сих пор

верю» [54]. «Когда мы были вместе, Даша спасала меня от моих ужасов» [193]. На протяжении всего романа счастливым герой себя называет только в воспоминаниях о начале своих отношений с Дашей: «я подходил к зеркалу и видел свои по-собачьи счастливые глаза» [56].

Егор неизменно боготворит любимую. Он как молитву повторяет ее имя, возрождает в сознании ее образ, подобно образам святых: «"Хоть бы завтра что-нибудь случилось, и мы бы в Грозный не поехали..." – подумал <...> "Даша, Дашенька..."» [106]; «Завтра бой». Где-то слышал эти слова. Ничего в них особенного никогда не находил. А каким они смыслом наполнены неиссякаемым... <...> Даша... - и все это как бульдозером задавливало, задавливает, вминает во тьму то, что завтра» [161]; «Останавливаемся на углах, перебегаем промежутки между домами, осматриваемся, идем дальше. Хасан уверенно ведет нас. Как все-таки здесь все похоже на российские городки, на пыльные дворики Святого Спаса. Сейчас вот подойдем к этой трехэтажке, а там Даша половички вытрясает – в белых кроссовочках, в голубеньких брючках, в короткой маечке, и виден открытый загорелый пупок, и тяжелые грудки встряхиваются, когда она половичком взмахивает... Ага, Даша...» [147-148]; «"Даша", – подумал я. Имя прозвучало во мне близко и тепло, как удар сердца» [331] «"А я ведь человека убил", – думаю устало и не знаю, что дальше надо думать. "Человека убил", – повторяю я, словно вслушиваясь в эхо, но эха не слышу. <...> "Даша". "Где-то есть Даша". "...есть Даша?" [278]. В последней цитате видно, что Егор буквально замещает для себя обликом любимой женщины Бога: если в традиционной культуре человек может позволить себе сомневаться в самые тяжелые времена в существовании Высшего Разума, то Егор, совершив убийство, переспрашивает себя, есть ли Даша – то есть существует ли в *его* мире Любовь в высочайшем понимании этого слова, свет и радость. Любимая женщина примиряет Егора с жестокой реальностью. Страх за ее – один из самых сильных для героя: «Появление Даши наделило меня двойным ужасом. Еще более, чем своего, я боялся стука ее сердца. А

вдруг течение ее крови уносит мою Дашу прочь, в другую сторону от меня?» [17] «На работе я постоянно нервничал, пугаясь того, что она упала, ушиблась, что ее обидели, и звонил в ее квартирку каждые полчаса» [28].

Но существует и другая сторона их отношений. Первым знаком появившейся в их отношениях трещины является следующий необычный для героя эпизод: «я всегда засыпал первым. Лишь однажды, уже заснув, я открыл глаза – и сразу встретился с ней глазами. Она смотрела на меня. В полной темноте ее глаза жили как два зверька. Что-то было в этом темное, тайное, удивительное, словно я на мгновение стал незванным соглядатаем, проник в нору, где встретилось мне теплое мохнатое существо. Впрочем, удивленье быстро замешалось с сонной вялостью, и я заснул.<...> Я внимательно смотрел на нее, вспоминая ночное выражение ее существа, ее зренья, почему-то не решаясь спросить, почему, зачем она смотрела на меня» [114]. Недосказанность подозрительности ведет к поиску секретов, которые становятся реальностью. Ревность к предыдущим 26 мужчинам его любимой становится патологией героя: «Ее мужчины не были призраками – они наполняли пространство вокруг меня. <...> Эти мужчины, они были всюду. Я чувствовал их запах, ощущал их присутствие. Их было слишком много для того, чтобы нам всем хватило места в одном городе. Как я узнал об их существовании? От нее» [194-195].

Остается неясным до конца, ради чего Даша рассказывает Егору о своем прошлом. В сцене, когда это происходит, с одной стороны, отмечается беспечность, легкость, с которой она это делает, но с другой – ее замешательство: «она заявила с присущей ей легкостью: – Знаешь, я сегодня сосчитала всех... – здесь она сбавила скорость разогнавшейся было фразы, – своих... – она еще чуть-чуть помедлила, – мужчин» [195]. Возможно, она действительно хотела сделать из этого занимательную интимную шутку-игру: «Если у тебя такое же количество женщин, значит, у нас с тобой начался новый этап» [195], и все то, что так больно кололо любимого, вовсе

не казалось Даше чем-то преступным: «Прости, Егорушка. Правда, я не хотела» [196].

Но не исключено, что Даша намеренно хотела позлить своего мужчину: ведь «она любила, когда – кровоточит. Это был "знак качества" для нее. Признак истинности, всамделишности чувства» [197]. Неспроста она не единожды возвращается к теме своей «опытности»: «Потом мы опять встречались, я хочу сказать, что сказанное ею не убило меня наповал <...> До тех пор, пока <...> она не сказала: – Мужские половые органы делятся на несколько типов. Тип первый...» [196]; или: «если, например, в автобусе, я увижу молодого человека с определенным видом ключиц, я только по ним одним могу определить, что у этого юноши тонкие запястья... что у него вытянутые мышцы живота – продолговатый такой живот... что если у него есть растительность на груди, она как у собак – Даша назвала породу, – такая редкая волнистая шерсть <...> "Ведь все, что она говорит, все это изощренное знание, у нее было и до меня, все это она изучила до меня, любила до меня!" – думал я» [237].

Поворотным моментом драматических отношений героев является история с личными дневниками Даши. Герой неистово бросается на их поиски, с целью раскопать дневники в вынесенном мусоре отправляется даже на городскую свалку, но, разумеется, безрезультатно: «Я долго смотрел на завалы гнили и мусора, выискивал блаженно-надеющимся взглядом. Все это должно было как-то разрешиться» [271]. Кажется, что «гнилью и мусором» герой называет не только большую помойку, но и то, во что превратилась его любовь, омраченная ревностью, ведь в другом месте он подобным образом описывает свои мысли о прошлых мужчинах любимой: «Я сам развел этих духов, как нерадивые хозяева разводят мух, не убирая со стола вчерашний арбуз, очистки, скорлупу...» [138]. Показательно то, откуда берет начало это завершающая драма: «Узнал, что Даша вела дневник, с тринадцати лет. Мне несколько раз попадались листки из него – Даша мне сама дала почитать.

Там было о ней, о том, что я хотел знать. – Дай еще, – попросил я, но она отказала мне в возможности заняться психологическим мазохизмом» [268].

Можно увидеть, что здесь исключительно противоречиво описывается поведение Даши, в сжатом виде показана странность ее поступков по отношению к Егору: с одной стороны, она дразнит любопытство мужчины, с другой – заботливо пресекает его дальнейшие попытки что-то выяснить: «Она не любила назойливости» [238].

Тем не менее, сам Егор не сомневается в том, что «она совершенно искренне не поняла, в чем дело» [196]. Ее «блуд» ни в малейшей степени не отражается на восприятии Егором любимой как божества: «Милая моя, развратная, божественная, сладкая..!» [239] Если он над кем-то и насмехается в этой ситуации, то только над собой: «какие воображаемые сцены я устраивал! <...> О, я был так пошл в своих обвинениях! Даша вполне могла бы мне сказать: «Ты старомоден, как граммофон, Егор!» [239].

Особенного внимания заслуживает то, что, истерзанный муками ревности, герой сам прибегает к библейским цитатам, уповает на них, в то время как в любой другой период жизни усиленно отрекшивается от всего религиозного: «Разве вы не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» Разве ты не знаешь? <...> «Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, которого имеете вы от Бога, и вы не свои. Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии...» <...> Она тихо улыбалась. – Разве ты веришь, Егор? – спрашивала она» [237]. Для Егора женщина – посланник Небес.

Таким образом, мы видим, что особенно острый внутренний надлом героя обретается именно в любовной сфере. Сама его любовь, как он говорит, – «патологическая»: «Я люблю тебя патологически. Я истерически тебя люблю... – Там, где кончается равнодушие, начинается патология, – улыбалась она. Ей нравилось, что кровоточит» [135].

Однажды Егор мечтает: «мне бы так хотелось, чтобы ты сбылась для меня такой, какой я тебя задумал <...> зачем тебе столько мужчин? Пусть

они исчезнут» [241]. Герой доведен «неправильной» любовью до предела и буквально сходит с ума. Он сам не раз описывает свое состояние как психическую болезнь: «В те дни у меня начались припадки. Я заболел» [135]; «Истерик, успокойся! – орал я на себя. – Придурок! Урод!» [138]; «Бред, бред, бред, – повторял зло. – Почему все так глупо...» «"Ты появишься как-нибудь утром и даже не поймешь по моему сонному виду, что я рад видеть тебя безумно. Это просто особый сонный вид безумия..." <...> Фантазировал болезненно и настойчиво» [268].

Несмотря на все это, Даша – единственное, за что Егор может держаться в мире среди войны, единственный любимый им человек, и герой верит, что любимая должна нести ему только счастье: «Я даже хотел заплакать, но не стал. Зачем плакать, если я ее люблю?» [269]. Он признается: «я воспринимал ее как свое веко – так же близко. Тем больнее было» [267].

Тем не менее показательно, что от самой Даши герой скрывает свои терзания: «Заходил в ее квартиру и ничего ей не говорил» [139]. Это показывает, что Егор воспринимает любимую не как близкого человека, с которым можно поделиться сокровенным и у которого можно найти поддержку, но только как предмет почитания. В Чечню он уезжает тоже без прощания: «Дашу я дома не застал. А через два дня был в Моздоке» [318]. Герой все еще верит, что девушка его ждет, но ставшие слишком запутанными (в его голове – ведь на деле между ними ничего не произошло, он сам болезненно накручивал «печаль свою, лелеемую и раскормленную» [138]) отношения обрывает без объяснений. В этом – еще один аспект болезненности его любви.

Однако «патология» любви Егора заключается не только в ее остроте, но и в том, что на первый план выходит не духовная ее составляющая, а физиологическая. Это имеет определяющее значение для образа героя. Его изломанное сиротством и войной сознание человека в принципе воспринимает изначально с телесной стороны, через нее уже выходя к

возвышенным чувствам – любви, дружбе и прочему. Познав жизнь в самых грубых ее проявлениях, Егор вообще теряет веру в духовность, культуру: «Как можно какие-то книги писать, когда вот так вот живого человека могут убить. Меня. Да и какой смысл их читать? Глупость. Бумага» [145]. Настоящим для него становится осязаемое. Вероятно, именно поэтому, вспоминая о любимой, он так много уделяет внимания описанию ее тела: «Поджав под себя ножки, грудками на диване, Даша потягивалась, распластывая ладошки с белеющими от утреннего блаженства пальчиками. Совершенно голенькая. Какой же она ребенок, господи, какая у меня девочка, сучка, лапа» [27]; «одевалась обстоятельно (всего-то дел: натянуть маечку на голые грудки, упрятать попку свою в черные невесомые трусики, в голубые шорты и влезть в белые кроссовки, не развязывая их» [28]; «выпадали огромные, ослепительные груди, белые, как мякоть дыни, с потемневшими от возбуждения сосками, похожими на полюса спелого арбуза» [194-195] и т.п.

Телесность играет в их отношениях основополагающую роль, является связующей нитью: «Трогали, пощипывали, покусывали друг друга беспрестанно, пробуждая обезьянью прапамять» [111]; в описании чувств влюбленных нет долгих размышлений об глубине, более того, прямо сказано: «любящие – дикари, если судить по тому, как они радуются всем амулетам, побрякушкам и милым знакам. Дикари, знающие и берегущие свое дикарство, – мы не ходили в кинотеатры, телек не включали, не читали газет. <...> Выходили из квартиры, держась за руки, а обратно возвращались бегом, – нагулявшие жадность друг к другу» [112]. Влюбленные здесь представлены как «пралюди», Адам и Ева, за которыми пока не было никакой культуры, не было и телесного стыда, они просто наслаждались тем, что дано природой, хотя и помнили при этом Бога. При этом сам Егор, так подробно рассказывая о теле, почти никогда не вспоминает о душе, и даже, наткнувшись ночью на глаза Даши, которые общепринято считаются «зеркалом души», смущается и почти пугается.

Герой буквально одержим телесным аспектом человеческих отношений. Узнав, что когда-то у Даши был роман с преподавателем из их института, герой хочет узнать не об их чувствах, а то, как выглядит мнимый соперник обнаженным. Для этого Егор без объяснений, будто по наитию вламывается в его кабинку в общественном туалете: «Я даже не знаю, какое у него было выражение лица <...> Я смотрел на его член» [199]. Пытаясь представить Дашу, когда она уходила от бывших любовников, он опять же упирается во внешнее: «В голубых джинсиках, ленивая, между ножек уже подтекает сперма, трусики мокрые и джинсики в паху приторно пахнут. Что она думала тогда? Улыбалась? Шла как ни в чем не бывало? Хотела скорее замочить, посыпав голубым порошком, нежно-белый комочек измазанной ткани, принять ванну и лечь спать?» [194]. Ревность Егора обращена только к телу: «Духи слетались на тело моей любимой, тем самым терзая меня, совершенно беззащитного...» [138]; «Мелькали бесконечные валеты... и еще: ножки, груди, губы, затылок, подрагивающие лопатки. Физиологические бредни оккупировали мозг» [193]. В конечном итоге герой сам отмечает: «ее интересовала по большей части духовная сторона отношений с мужчинами, меня – физическая» [238].

Мы уже могли видеть, что светлые чувства, точно так же как и отрицательные (ревность и другие, связанные с войной, о чем мы поговорим позже), тоже видятся через физиологию, причем не только главному герою, но и его сослуживцам: «– Я бы ее сейчас облизал всю, – сказал тихо, но все услышали, Дима Астахов. Честное слово, в его словах не было ни грамма пошлости...» [107]. Для них это видение мира порождено исключительно войной. Тем не менее нельзя сказать, что подобная обращенность к телесности делает Егора бездушным. Напротив, его дух силен, просто для его «патологического» сознания выход к духовному через физиологическое представляется единственно возможным. Дашу Егор действительно любит, а не просто воделеет, относится к ней с нежностью и восторгом.

Отдельно стоит сказать о том, что война и любовь в сознании героя беспрестанно пересекаются. Так, например, свое оружие он не раз сравнивает с любимой женщиной: «И цевье лежит в ладони удобно, как лодыжка моей девочки, когда я ей холодные пальчики массажиро...» [62-63]; «Любовно раскладываю принадлежности пенала: протирку, ершик, отвертку и выколотку. Что-то есть неизъяснимо нежное в этих словах. <...> Большим куском ветоши, щедро обмакнув его в масло, прохожусь по всем частям автомата. Так моют себя. Свою изящную женщину» [96-97]. Отдельные эпизоды мирной жизни тоже перекликаются с настоящим: «На плавном асфальте, успевшем разогреться к полудню, дети в разноцветных шортах выдавливали краткие и особенно полюбившиеся им в человеческом лексиконе слова, произношение которых так распалило мою Дашу несколько раз в течение любого дня, проведенного нами вместе» [54]. Интересна и другая цитата: «Чечены идут молча, я слышу, как один из них <...> матерно выругался. Как-то тошно от его голоса. Наверное, от произнесения им вслух нецензурных обозначений половых органов, я физиологически чувствую, что он – живой человек. Мягкий, белый, волосатый, потный, живой...» [65]. В разные моменты жизни подобные друг другу мысли о человеческом теле дают Егору возможность почувствовать жизнь, но это вызывает у него кардинально противоположные чувства.

Противоречивость чувств к Даше буквально разрывает героя пополам. Порой он переживает настоящие приступы отчаяния. Он и сам не знает, чего больше в его любви: тоски или радости: «Ты меня обворовала», – все хотел сказать я и не мог сказать. Обворовала или одарила?» [267]. Отметим, что особенно остро Егор переживает свою ревность именно из-за детства, проведенного в интернате, он и сам об этом говорит: «Я хочу иметь что-нибудь свое! У меня уже было в интернате все общее! Я хочу свое!» [240]; «Ну зачем она? А? Зачем она так? Что она? Что она, не могла, что ли, как-нибудь по-другому? Господи мой, не могу я! Дай мне что-нибудь мое! Только мое!» [137]. В сиротстве своем Егор хотел опереться на Дашу, как на

свой единственный семейный оплот, но не учел, что другого человека нельзя безвозвратно подчинить только себе, как нельзя и полностью отдаться, ведь неизменно будет прошлое: «вне и до меня» [194]. Несмотря на то, что сейчас Даша только его, и она даже признается: «Ты – мой первый мужчина. <...> Если бы я знала, что у меня будешь ты, я бы ни разу никогда ни к кому не прикоснулась. Я тебе клянусь, Егор» [269], это лишь ненадолго утишает его безумие. Однажды герой заключает: «Ты изуродовала меня. Ты создала урод. Я тронут тобой до глубины души» [240]. «Уродство», которое он открывает в себе – еще одно имя его «патологии».

Егор особенно болезненно воспринимает слова Монаха: «Моя жена живет со мной единой плотью и единым разумом» [204]. Он, действительно, воспринимает Дашу как семью, жену, поэтому вторичное осквернение семьи как святыни ему перенести чрезвычайно тяжело. К женскому полу у него вообще особенное отношение: его уже предала мама, кроме того, он тяжело переживал в детстве «падение» своей собаки Дэзи – из-за плотского влечения, которое ему маленькому было непонятно. Егор же воспринимает сексуальные отношения как святыню, хоть и не решается признаться в этом Монаху, но ему вдвойне больно оттого, что Даша становилась когда-то в ряд «самок», не ценящих семью: «если бы ты тогда забеременела, ты бы даже не знала, чье дитя ты будешь носить!» [240]. То, что женщина, обзаводящаяся случайными любовниками, фактически соглашается родить еще одного человека и, возможно, бросить его, как и Егора в детстве, потрясает героя. Разговор с сослуживцем Саней наводит его на подобного рода мысли: «Она знает-то тебя на одну пару чулочков и на четыре глупые шутки больше, чем соседа в трамвае. И уже готова от тебя зачать ребенка! Даже если у нее сто спиралей стоит, она все равно готова зачать! Чего они такие дуры?.. Я молчу. – Ты как думаешь, Егор, их Бог наказывает? – Наверное, Бог всех наказывает. Всех без исключения» [128-129]. Кажется, под этих «всех» Егор подводит и свою неверную в прошлом Дашу, которой он так радовался когда-то, сделал ее частью семьи, мысленно связал с покойным отцом, которого она никогда

не знала и не могла узнать: «Я стал называть ее Малышом. Так называл меня отец. Мне так мечталось, чтобы отец выжил, не умер тогда, увидел ее, в легком платье, Дашу. Он нарисовал бы ее мне» [266]. А она своей неверностью предала их семейную мужскую «чистоту», как казалось Егору. К слову, единственная размолвка с отцом, которая вспоминается Егору из детства, тоже произошла между ними косвенно из-за женщины: «У отца, видимо, были какие-то женщины, но я их никогда не видел. Впрочем, вру. <...> Я увидел его <...> сидящего на лавочке в компании молодой женщины. – А это мой малыш, – сказал отец тоном, в котором из всех людей на земле только я, его сын, смог бы почувствовать некоторую неестественность. Я ее почувствовал и сразу ушел» [39]. Егор любил своего папу, хотя и по-детски наивно признается: «за шесть лет мне так ни разу и не пришло в голову, что я обожаю отца...» [40]. Больше любимых людей у него не было: «дед относился равнодушно, но без злобы» [40], да и сам Егор к деду – так же: «Я гостил у него раза три в год, недели по три, – все это время, как я понимаю, отец пил. Потом он выходил из запоя и приезжал за мной. Я был счастлив» [40]. Кстати, уважение к отцу и боль из-за его предсмертного состояния рассказчик тоже передает через описание тела отца: «Ему было страшно больно, я это знаю. Помню, однажды он порезал на пилораме руку, едва не до кости, хлестала кровь, а он даже не побледнел, замотал чем-то располосованную надвое мышцу ладони и, взяв мою вспотевшую лапку здоровой рукой, пошел в травмпункт зашивать рану. Сидя у кровати, я посмотрел на этот белый шрам. Отец сжал кулак, и кулак впервые за шесть лет показался мне маленьким, беспомощным, в стоящих дыбом порыжевших волосках. Рука была бледно-синей... чуть розовой... почти бесцветной».

Таким образом, мечта Егора познакомить Дашу с отцом – это квинтэссенция семейного счастья героя, о котором он всегда мечтал. Жена и дети – вот чего ему хочется сейчас, когда отца уже не вернуть, но он лишается и этого, хотя зыбкая надежда на обретение все же остается – ведь Егор верит, что Даша его ждет. Метафорично их семейная идиллия в

представлении героя представлена в истории колли, живущих в вольере рядом с Дашиным домом: «там жили колли, мальчик и девочка <...>, и что-то было в их лае семейное <...>, но однажды сучка пропала» [136]. Пропажа совпадает во времени с первыми приступами ревности героя. Накануне отъезда в Чечню героя колли возвращается «молодой мамой»: «– Вот где была твоя девочка! – радовался я вместе с ним. – Рожала она! – Я ласково прихватил его за шиворот, приобнял пса, чувствуя ароматное роскошество его шерсти. – Домой ее увели, а ты тосковал, да? Ах ты, псинка моя...» [318]. В этой удачно разрешившейся истории собак чувствуется надежда героя на будущее счастье: после долгой тоски все вернется на круги своя, влюбленные воссоединятся, у них будет настоящая семья. Однако сейчас, пока они на войне, в атмосфере неверного сегодня, Егор и его сослуживцы теряют представления об идеале супружества, и Саня не просто так рассказывает историю своего неудачного брака: «Я был женат около тридцати минут, – говорит Саня. – Мою жену звали... Без разницы, как ее звали. <...> Я наступил ей на свадебное платье, оставив симпатичный черный след. Она развернулась и при всех <...> дала мне пощечину. <...> Поэтому я не хочу больше жениться, – говорит Саня. – Вдруг я наступлю жене на платье?» [203]. Именно риск потерять веру в любовь и счастье, какими бы они ни были, является основной патологией, которую несет с собой война.

Благодаря «послесловию», помещенному в начало романа, мы узнаем, что герой не потерял на войне стремления к семейному счастью, более того, он его в некотором смысле достиг – у Егора появился приемный сын. Таким образом герой как бы отдал долг себе-ребенку: он обеспечил такому же, как он сам, сироте семью, тепло и любовь. Отчасти он повторяет в их отношениях те, что были у Егора с собственным отцом: «мы в восторге друг от друга, хотя он этого никак не выказывает» [5] и «за шесть лет мне так ни разу и не пришло в голову, что я обожаю отца...» [40]. Так же во взаимоотношениях двух «очаровательных мужчин» [6], Егора и приемыша, существует потрясающая честность: «смотрим на воду. Она течет. – Когда

она утечет? – спрашивает мальчик. "Когда она утечет, мы умрем", – думаю я и еще, не боясь напугать его, произношу свою мысль вслух» [5]. Егор открыт навстречу малышу своей больной душой, и ребенок ему рад, принимает его, какой тот есть: «Мальчик доверяет мне, разве я вправе его подвести?» [6].

Несмотря на то, что по-прежнему большое внимание рассказчик уделяет физиологии, теперь она чаще связана с ужасом: «В какой-то момент я понял, что голову мою выворачивает наизнанку. Будто со стороны я увидел ее, вывернутую, как резиновый мяч, – шматок размягченных костей, украшенных холодным ляпком мозга, ушными раковинами, синим глупым языком... и челюстью, в который был зажат кусок джинсы» [11-12], «пензионерка <...> как кукла кувыркнулась в воздухе, взмахнув старческими жирными розовыми ногами, и ударилась головой о... я думал, что это потолок, но это уже пол» [9]. Кроме того, сейчас как никогда очевидно, что для Егора телесность – просто обратная сторона духовности. Так, в описании малыша сквозит неприкрытая нежность, идущая от сердца: «руки мои прижимают трехлетнее с цыплячьими косточками тело, и пальцы мои касаются его рук, мочек ушей, лба, я проверяю, что он теплый, родной, мой, здесь, рядом, на коленях, единственный, неповторимый, смешной, строгий, и он отводит мою руку недовольно, – я мешаю ему смотреть, как течет, – мы едем по мосту» [7]. Мальчик становится «родным» - по духу, а не по крови.

Кроме того, теперь тело воспринимается как часть божественного: «я прокусил щеку, и кусок мякоти переваливался у меня во рту, где, как полоумный атлант, упирался в небо мой живой и розовый язык, будто пытающийся меня поднять усилием своей единственной мышцы» [10]. Один язык внезапно обретает будто сверхъестественный разум и силу.

Через до тошноты натуралистичные физиологические видения, порожденные ужасом, происходит почти инициация героя, новое рождение: «последние мгновения я двигался в полной тьме, и вокруг меня не было жидкости, но было – мясо, кровавое, теплое, сочащееся, такое уютное, сжимающее мою голову, ломающее мне кости черепа, деформирующее мою

недоразвитую склизкую голову... Был слышен непрерывный крик роженицы» [12]. Теперь, спасая приемыша, он выбирает жизнь другого человека, а не смерть, как это было на войне. Но в зараженной патологией душе его навсегда остается место сомнению и страху: Егор «часто мучается одним и тем же видением» [5] катастрофы, и он бесконечно «сомневается во всем» [6]. Это – навсегда запечатлевшийся в душе героя след войны, и именно об этой части жизни Егора Ташевского мы поговорим далее.

Война и «пацанское окружение».

Обращаясь к судьбе Егора Ташевского на войне, отметим, что сослуживцев своих герой воспринимает почти как семью, и те в свою очередь отвечают Егору тем же: «Родной ты мой, как же тебя домой повезут?...» [119]; «Давай браток... Пусть пухом...» [159]; «сиди, браток, слушай рацию» [162]; «Строимся, братцы!» [177]; «Кеша, я прошу тебя... поработай, брат» [263]; «– Егорушка, сынок! – говорит Семеныч и обнимает меня» [286]; «– Выпей, браток! – говорят мне» [Там же]. Помимо частого в мужской среде обращения друг к другу «брат» и «сынок», о почти семейной близости «пацанов» говорят любовь и нежность, возникающие между ними, о которой не раз упоминает герой в мыслях наедине с собой: «"Как я их люблю всех... – думаю я. – И ведь не скажешь этим уродам ничего... Как я боюсь за них. За нас боюсь..." – еще думаю я» [158]; «Пацаны дрыхнут. <...> Скворец поднимает заспанную голову, улыбается нежно, щурит глаза» [156]; «Улыбаюсь кому-то из парней, мне в ответ подмигивают. Так, как умеют подмигивать только мужчины – обоими глазами, с кивком. Иногда мужчины так кивают своим детям, с нежностью. И очень редко – друзьям» [232-233]; «Увидев пацанов, Хасана и Васю, я готов заплакать от счастья, и пыльная рожа моя расплывается в самой нежной улыбке, которую способно выразить мое существо» [265].

Эта нежность и любовь к друзьям, особенно остро ощущаемая из-за постоянного страха потери, подчеркивается отсутствием в большинстве случаев злости и откровенного сарказма при внешне-грубом общении

сослуживцев: «– Дурак убогий! – крикнул ему вслед Семеныч, впрочем, без особого зла» [35]; «– Тьфу, дурак! – говорит Семеныч без особого зла и три раза плюет через плечо» [102]; «– Вот фрукт... – без зла добавляет он» [116]; «– Как куры, <...> – говорит без зла Шея» [151]; «Вот урод», – вяло и без злобы думаю я» [232].

Исключительно сильное чувство единения, семейности «пацаны» испытывают за общей трапезой: «В "почивальне" пацаны знатно устали стол. Консервы вскрыты, у бутылок водки беззащитно обнажены горла, луковицы взрезаны и слабо лоснятся хрустким нутром, хлеб кто-то нарезал треугольниками. Ржаные похоронки. <...> Мы разливаем водку и, замешкавшись на мгновение, чокаемся. За то, что нас не убили. Чокаемся второй раз за то, чтобы нас не убили завтра. Не чокаемся в третий раз и снова пьем. Молчим. Дышим. <...> Кто-то у кого-то шепотом попросил передать хлеб. Кто-то, выпив и не рассчитав дыхания, пустил слезу, и кто-то по этому поводу тихо пошутил, а кто-то засмеялся. И сразу стало легче. И все разом заговорили. Даже зашумели» [232-233]; «Андрюха Конь вытащил откуда-то семечки, лузгает, плюется. Все, кроме Монаха, разом тянутся к нему – суют сухие, крепкие, красивые ладони. Процедура раздачи подсолнечного зерна нас объединила» [188]; «По кругу идет бутылка водки. Мы пьем и раскрываем рты, и в паленные наши пасти каплет ржавый грозненский дождь. Кидаем непочатый пузырь стоящим у края крыши. Бутылку ловят. Андрюха пьет, прекратив ненадолго стрельбу, и отдает бутылку Монаху. Тот допивает и, закашлявшись, бросает пузырь с крыши, и сам едва не падает – его ловит за шиворот Андрюха. Пока происходит эта возня, никто из наших не стреляет» [235].

Подобных моментов общей трапезы, братского деления пищи между «пацанами» немало. Это лишь еще раз подчеркивает их близость, необычайную силу товарищества, царящую в их отряде. Сослуживцы для Егора – те самые друзья, о которых он мог бы сказать, что «съел с ними пуд соли». В некотором смысле они заменяют ему семью, которой Егор был

лишен с 6 лет и не смог обрести даже со своей девушкой Дашей. Примечательно, что на финальных страницах романа, после описания чудовищной бойни, на которой погибли многие из ребят, общий обед описывается совсем иначе: «Нас поили чаем и водкой, кормили. Мы лязгали зубами, глотая пищу, и скребли ложками о дно банок. Пили и никак не могли разогреться, развеселиться. И кашляли долго, нудно, истошно. И редко смотрели друг другу в глаза» [330]. Это очень похоже на описание гибели какой-то семьи, когда бывшие когда-то родными люди начинают бояться друг друга и не находят сил пережить горе вместе. Смерть, не пощадив, забрала многих парней, и оставшиеся в живых даже чувствуют себя виноватыми перед ними: «— Меня ведь никто не ждет. А я приеду, — сказал Плохиш. "А они — нет", — вот что хотел он сказать» [330]. Тем не менее чувство родства все же сохраняется в переживших кровавый кошмар парнях: «Парни тоже трясутся от холода. Но впятером веселей трястись... Как славно впятером трястись» [326]. Они испуганы и измотаны, но в друг друга обретают силу и надежду. К концу романа, пройдя вместе многие испытания, ребята начинают понимать друг друга с полуслова, поскольку след этой войны навсегда останется в их душах, и некоторые явления они до конца жизни будут воспринимать одинаково: «— Ничего, — роняет Вася Лебедев. Нет, он не хочет сказать, что все это, мол, ерунда, он хочет сказать, что Степу мы помним и сделаем все, чтобы... И все поняли, что Вася сказал» [254].

Принимая во внимание анализ отношений Егора Ташевского с другими, можно сказать, что для героя эмоциональные связи с окружающими его людьми являются исключительно важными. Это находит свое начало в его сиротстве. Обычно человек, выросший в благополучной семье, к возрасту Егора (ему около 22-25 лет) уже имеет определенный круг привязанностей, но у нашего героя все эти эмоциональные лакуны остаются незаполненными. Именно поэтому большое место в его жизни занимает поиск тех людей, которые могли бы принять его любовь и верность и подарить свою.

Отдельно стоит сказать, что в романе, написанном от первого лица молодым и, в общем, успешным воином, большое место отдается страху, а не показной бравате и отваге. На страницах «Патологий» наглядно изображается, что в военное время смерть и жизнь даются великой ценой. Егора Ташевского ни в коем случае нельзя назвать трусом, но, тем не менее, он не раз говорит о своем страхе: «Не хочется смотреть в бойницу. Не хочется бежать вниз, к Хасану. Ни в чем себе не сознаваясь, бессовестно лукавя, направляюсь сначала на чердак, подальше от ужаса, от огня, как кот на пожаре. Бегу и матерю себя за страх безбожный. "Все нормально! Сейчас к Кеше забежим – и вниз!" – клянусь себе» [262-263]; «Отдаю себе отчет, что мне не хочется уходить из тех кабинетов, где стрельба ведется для остратки, где пацаны «кусты бреют». И заставляю себя уходить» [264]; «"Боевик!" – понимаю я и смотрю на него так, будто увидел живого черта» [185]; «Ничего не соображаю, глаза елозят поспешно... И тут у меня едва затылок не лопається от страха» [90]; «Мысли, конечно, самые бестолковые: вот-де нам на первой зачистке повезло, на второй точно не повезет. А еще если чичи паленые трупы нашли... Теперь, поди, только и дожидаются, когда мы выйдем...» [81].

Не только Егор, но и другие его сослуживцы подвластны страху: «Хасан не слышит, скалит зубы. Пацаны смотрят на Шею. Все сразу начинают курить, даже те, кто никогда не курил» [19]; в одном эпизоде подробно описывается, как Кеша от страха забился в угол, бросив свой пост, не в силах стрелять в подступающих чеченцев. И Егор, хотя заставляет парня встать обратно на позицию, внутренне не осуждает его, поскольку сам переживает такой же ужас: «Крича, я возбуждаю себя и сам забываю, как только что трусил» [263].

Порой страх Ташевского приобретает пассивную форму, он не испытывает паники, но его посещают отстраненные мысли о пугающих его явлениях, связанных с близостью смерти: «Трасса лежит посреди полей. Поля вызывают умиротворенные чувства – здесь негде спрятаться тем, кому

вздумалось бы стрелять в нас» [103]; «Какое-то время я смотрю на одинокое дерево посреди поля, почему-то мне кажется, что там, на дереве, сидит снайпер. Пытаюсь его высмотреть. "Что за дурь, – смеюсь про себя. – Так вот он и сидит в чистом поле на дереве, как Соловей-разбойник..."» [Там же]; «"Еще будет высыхать моя слюна на дороге, а я уже буду мертв и холоден", – думаю я. Постоянно такие глупости приходят в голову. Неприятно дергаюсь от своих размышлений, хочется провести рукой по голове, по лицу, как-то смахнуть эту ересь... Морщю лоб, хочу еще раз плюнуть, но передумываю» [104]; «Трогается машина. "Нас везут на убой"» [171]. Однажды Егор и вовсе неожиданно взглядывает на все происходящее будто со стороны, чужими глазами: «Выходим в коридор, тащим в руках броники. С удивлением смотрю на грязные выщербленные стены – куда меня занесло, а? Сидел бы сейчас дома, никто ведь не гнал. Даша...» [29].

Как мы уже говорили выше, Даша вообще воспринимается Егором как спасение от всех невзгод, более того, как нечто божественное; ее суда он боится. Когда страх смерти достигает в герое своего пика, он начинает думать о том, как прекрасно было бы дезертировать и избавить таким образом себя разом от всех ужасов реальности, однако именно стыд перед любимой заставляет его забыть о своих мифических планах: «Может <...> на улицу выйти и направиться к воротам... На воротах у нас ночью поста нет. Выйти за ворота <...> И приеду в деревню деда Сергея, сниму там домишко какой-нибудь, заведу собаку... <...> устроюсь сторожить чего-нибудь... пугалом устроюсь на огород... буду в шляпе стоять и в старом пальто, руки расставив... <...> Блаженство какое – дыши, думай, никто не мешает. Совсем не будет скучно. Кто вообще эту глупость придумал – что бывает скучно? Ерунда какая. Ничего нет скучнее, чем умирать. А жить так весело... Из сельсовета Даше позвоню, она приедет в деревню... Не узнает меня сначала. „Что это за пугало?“ А это герой чеченской войны Егор Ташевский. Да уж, герой... Разнюнился... Занюнился... Вынюнился...» [162-163]. Жизнь, жизнь в любых ее проявлениях – вот что учит ценить война, и чего так жаждут войны

перед лицом смерти. Именно в этот момент, перед решающей операцией Егор начинает ценить жизнь как никогда прежде – и все же понимает, что есть нечто, что гораздо важнее его физического существования – жизнь духа, память о нем других людей, признание ими его «геройства».

Можно проследить эволюцию страха в сознании героя. Изначально страх прямо заявляет о себе, но порой он принимает форму некой растерянности, и Егор становится будто чужим в бурном течении жизни. Он не знает, какое решение сейчас будет верным, не знает, что следует предпринять, его даже подводит память, а в голове всплывают совершенно посторонние мысли: «Ненавижу свою сферу. Утоплю ее в Тереке сегодня же. Далеко, интересно, этот Терек? Надо у Хасана спросить» [62]. Страх словно перестает быть страхом и превращается в усталость, безразличие к окружающему миру: «– Ташевский! – кричит Шея. – Построение! Отделение будешь свое собирать? "Бля, у меня еще и отделение. На хер бы оно мне нужно, это отделение", – думаю я, не двигаясь с места и пытаюсь увидеть кончик уже докуриваемой сигареты» [166]; «Чего делать? Дом окружили, что делать? Стрелять по нему? Хрен я полезу вовнутрь...» [181]; «"Зачем мы полезли на крышу? Пересидели бы. Кто предложил на крышу идти?" Не могу вспомнить. "Или, наоборот, не надо было с крыши уходить? Что мы стали так суетиться? Как глупо все..." Мне не очень страшно. Вовсе не страшно» [255]. Странность происходящего ясно видна герою, но она воспринимается им как должное: «Я улыбаюсь и думаю: как это странно, Степу убили, а Плохиш все придуряется, и мы улыбаемся, и меня тоже убьют, и будет то же самое... Ну не будут же все рыдать, сжимая береты в руках. Да и надо ли мне это?» [254]. В этот момент он понимает, что живым – жизнь, и пытается научиться переживать потери если и с болью, то хотя бы без отчаяния: «"А почему Степа последний спускался? Ведь должен был я последним уходить. Или Язва..." Отмахиваюсь от этой мысли. Потом, все потом. Так получилось» [255].

Стоит отметить, что иногда страх пробуждает в герое способность к предвидению, вызывает к жизни некое шестое чувство: «Даже не зрением и не слухом, а всем существом своим я ощутил движение за этой дверью. <...> Дверь открылась» [62-63]; «Делая укол, раскручиваю бинт, при этом поглядываю на кривящегося в муке Женьку <...> вот в эти мгновенья я вдруг понимаю, что все происходящее погружает меня в состояние некоей одурелой невесомости. И я начинаю видеть вокруг себя все – кажется, я вижу даже то, что происходит у меня за спиной» [261]. Чувства вообще играют важную роль в мировосприятии героя. К концу произведения, когда душа Егора оказывается окончательно искалеченной, синонимом жизни для него становится чувство боли: «Сознание вернулось так: будто с оглушенной полумертвой змеи сняли кожу и под кожей обнаружили десятки живых рецепторов. Одновременно с возвращением сознания вернулась всеобъемлющая, как кожа, боль» [298].

Пребывание в стрессовой ситуации обостряет восприимчивость героя, и он даже начинает искать в настоящем знаки будущего. Отсылки к почти мистическому ясновидению и предзнаменованиям в тексте несколько. Так, случайная мысль Егора о Монахе, который неизменно раздражает его своим присутствием: «А чего я взъелся на него? <...> Может, он... может, он меня от смерти спасет» [103] неожиданно в конце оборачивается предсказанием – Монах действительно вытаскивает тонущего Ташевского из воды. А появление в отряде «чина» с красноречивым прозвищем Черная метка – «он куда ни попадет, там обязательно что-то случается. <...> Все гибнут» [98] – перекликается с финальной безжалостной бойней.

Иногда в Егоре проблескивает склонность к возвышенным, почти сентиментальным сравнениям: «Когда тебе жутко и в то же время уже ясно, что тебя миновало, чувствуешь, как по телу, наступив сначала на живот, на печеньку, потом на плечо, потом еще куда-то, пробегает босыми ногами ангел, и стопы его нежны, но холодны от страха. Ангел пробежал по мне и, ударившись в потолок, исчез. Посыпалась то ли известка, то ли пух его

белый» [251-252]. Цитата ясно показывает, что душа не умерла в герое, она просто испугана всем происходящим, как этот ангел, она хочет сбежать из мира, в котором есть место только смерти, а люди превращаются в «мясо».

Несмотря на это, жизнь приобретает в глазах бойцов на краю смерти особенную ценность во всех своих проявлениях: «Из туалета слышны громкие, желудочного происхождения звуки. "Жизнь", – думаю я. Вижу, как Плохиш с Амалиевым несут наверх чан с дымящимся супом. Иду за ними, как собака, привлеченная запахом. С радостью замечаю, что я голоден» [165]. Нелицеприятные проявления жизни не могут погасить в герое радости, связанной с возможностью телесного насыщения, для него эта животная грубость и есть доказательство существования. Теряя же из поля восприятия эти осязаемые точки опоры, на которых зиждется его жизнь, Егор теряет и чувство реальности: «Никто не храпит, – повторяю я. – Быть может, мы ангелы?» [242].

Восприятие жизни на грубо-физиологическом уровне – свойство, вызванное патологичностью войны как явления, искалеченностью души героя. Это то свойство, что сопровождает Егора на протяжении всего повествования. Единственное время его жизни, когда он зациклен не на телесном, а на более эфемерном – запахах – это детство и сны рядом с Дашей, которые снились ему до приступов ревности: «Сны мне снились одни и те же. Сны состояли из запахов. Влажно и радужно, словно нарисованный в воздухе акварелью, появлялся запах лета, призрачных ночных берез, дождей, коротких, как минутная работа сапожника, нежности. Затем густо и лениво наплывал запах осени, словно нарисованный маслом, запах просмоленных мачт сосен и осин, печали. Белый, стылый, неживой, нарисованный будто бы мелом, сменял запах осени вкус зимы. Сны – сбывались» [18]; «Пообщавшись с соседкой, она взяла меня за руку и отвела к отцу. В палате пахло лекарствами. Отцом в палате не пахло. Я это сразу почувствовал. Не было его запаха – сильного тела, «Астры», красок, омета» [41]; «Облака лишены мышц, но все равно не кажутся вялыми. Мнится, будто они сладкие

и невыносимо мягкие. Делая легкое усилие, их можно рвать руками, как ватное нутро вспоротого, источающего мутно-затхлые запахи дивана... Ожидая отца, я часами смотрел в окно на облака. И у меня те же чувства были, что и сейчас. Что же, я с тех пор больше ни разу не смотрел так в небо? Сколько лет прошло? Пятнадцать? Двадцать? Времени не было, что ли?... За столько-то лет!...» [201].

Как и счастливые дни с Дашей, детство не раз вспоминается Егору на войне, и, проводя мысленные отсылки к первым годам своей жизни, герой связывает это с чем-то беззаботным, несмотря на перенесенные им тогда испытания: «На переднее сиденье сажусь, честно признаюсь, – не без удовольствия, это из детства, наверное» [116]. Более того, детство для Егора – синоним тотального отсутствия страха: «Мы трогаемся, проезжаем всего метров сто, и я внезапно понимаю, что у меня атрофированы все органы, что мой рассудок сейчас двинется и покатится, чертыхаясь, назад, к детству, счастливый и дурашливый. По нам стреляют. Откуда, я не понял. Почему-то мне показалось это совершенно неинтересным. Я зачарованно взглянул на дырку в брызнувшей мелким стеклом лобовухе» [88-89].

Страх атрофирует многие чувства Егора. Он перестает видеть смысл во всем происходящем, многие действия совершает на автомате: «"Вот что надо сделать, – думаю, – надо супчику покушать". Поедаю суп, не замечая его вкуса, старательно жую большими ломтями откусываемый хлеб – мне кажется, что, двигая скулами, я не думаю, не думаю, ни о чем не думаю. Доев суп, я понимаю, что абсолютно не голоден, вообще не хотел есть, не знаю, зачем ел» [165]. Возможность скорого физического конца обесценивает духовное: «Как можно какие-то книги писать, когда вот так вот живого человека могут убить. Меня. Да и какой смысл их читать? Глупость. Бумага» [145]. На первый план вновь выходит телесность.

Постепенно страх принимает причудливые, почти болезненные формы: «Нет, это не дикий страх, это что-то другое – некая ошпаренная суматошность» [131]. Позже герой откровенно называет свой ужас и

странные эмоции, являющиеся последствиями постоянного страха, психическими расстройствами: «Чтобы отогнать беса сумасшествия, тихонько, одними губами напеваю эту песню» [151]; «Меня немного лихорадит. "Истерика", – определяю я мысленно» [170]; «Мы все орем, словно глухие. <...> Я накидываю разгрузку. Руки трясутся, будто у меня припадок» [244]; «"Руки измажет!" – несуразно и, чувствуя то ли головокружение, то ли тошноту, то ли накотившее безумие, подумал я» [245]. Это происходит оттого, что аномальность, «патологичность» войны как таковой не может восприниматься человеком как норма существования. Она неизменно вызывает отторжение, страх. Она калечит.

Молодые парни, оказавшиеся в круговерти войны, которая никого не щадит и ни с кем не шутит, пытаются спрятаться от страха за отчаянным, бессознательным весельем. Однажды они танцуют вокруг костра, припевая матерную песенку о том, что не боятся смерти, будто совершают архаичный обряд, признанный даровать им бесконечную смелость: «Кизяков и Плохиш начинают странный танец вокруг костра, подняв вверх руки, ритмично топая берцами. Пацаны посмеиваются. – Буду погибать молодым! – начинает читать рэп Плохиш в такт своему танцу. – Буду погибать! Буду погибать молодым! Буду погибать! <...> Еще кто-то пристраивается к ним, держа автоматы в руках, как гитары, покачивая стволами. Начинают подпевать. <...> Будем погибать молодыми! Нам ведь поебать! – орут пацаны» [53-54].

Кипение жизни в этих молодых, отчаянных людях не дает страху следовать за ними неотступно и подавлять их. Они часто бурно смеются, забывая о многих тревогах: «Мы смеемся, нам смешно. В машине, идущей за нами, Язва включил рацию, чтобы сказать что-то, и я слышу, что там тоже все смеются» [208]; «Ямщик! – орут они дурными голосами. – Не гони! Лоша-дей!» [215]; «"Гэй-гэй-гэй..." Что может быть забавнее» [156]; «Я смеюсь, мне смешно» [235].

Не только смех, но и гордость не дают Егору стать низким трусом. Все люди боятся, но только герои умеют подавлять свой страх, скрывать его:

«Раздается характерный свист минометного выстрела. Сжимаюсь весь, даже ягодицы сжимаю. "Мамочки! – думаю. – Прямо на крышу летит!" Бахает взрыв, черт знает где. Оборачиваюсь на Саню. – Думал, что в нас, – сознается он мне. Я не сознаюсь» [31]. Страх не заставляет Егора говорить о себе, и когда герой думает: «Хоть бы завтра что-нибудь случилось, и мы бы в Грозный не поехали...» [106] – это не животный ужас, паника, но усталость от постоянного напряжения механизмов самосохранения.

Однако с течением времени подлость всего происходящего вызывает в Егоре проблески цинизма. Герой остро чувствует опасность в непосредственной от себя близости: «На рожу Плохиша, стоящего возле, как будто махнули сырой малярной кистью: все лицо разом покрыли брызги развороченной глазницы. <...> Через минуту он, довольный, догоняет меня, в канистре болтаются остатки бензина. Возле грузовика, потрескивая, горят два костра. <...> Шея махнул рукой. Я вздрогнул. Стрельба продолжается секунд сорок. Убиваемые шевелятся, вздрагивают плечами, сгибают-разгибают ноги, будто впали в дурной сон и вот-вот должны проснуться. Но постепенно движения становятся все слабее и ленивей. Подбежал Плохиш с канистрой, аккуратно облил расстрелянных. – А вдруг они не... боевики? – спрашивает Скворец у меня за спиной. <...> – Парни, шашлычку не хотите? – это, конечно, Гриша сказал» [68-69]; «Она <чеченка> быстро, перемежая русские слова с чеченскими, начинает говорить, что солдаты убивали всех, изнасиловали соседку в подъезде, и деда ее застрелили и бросили из окна, и еще что-то, – полный беспредел творили злые солдаты, даже всех чеченских пацанов перестреляли. И вот за старика, за отца, она тоже боится» [86]; «Астахов подходит в упор к труп, присаживается возле того, что было головой, разглядывает. Я вижу это боковым зрением. – Дим, ты поройся, может, у него зубы золотые были, – предлагает Астахову Язва, улыбаясь. – Мужики, это же пацан! – восклицает Астахов. – Ему лет четырнадцать! [94-95]; «– Не стреля... това... пра... Не стреляйте! Я говорю вам, там спецназовцы идут! – Какие нахрен спецназовцы! – ревет, пытаюсь

высвободить автомат, прапор; он давно бы вырвал у солдатика свой ствол, если б не был дурно пьян... <...> – Вот он! – увидев меня, прапор жмет на спусковой крючок. Одновременно солдатик с силой давит на автомат, и пули бьют в землю» [190].

Неприкрытая радость Плохиша по поводу смерти врага, вероятность того, что расстреляны невинные, обыденность и будничность смерти на войне порождают в Егоре не самые благородные мысли: «"Если расположиться полулежа, то сидящие с боков в случае чего прикроют меня", – цинично думаю я» [102]. Все окружающее начинает казаться Егору сущим абсурдом, глупостью, он просто не понимает происходящего: «Как глупо все...» [255]. Идиотизм и мерзость происходящего притупляют чувства героя. Все реже моменты удовлетворенности жизнью в самых обычных ее проявлениях: «Солнышко начинает пригревать, хорошее такое солнышко» [102], зато появляются поражающие натуралистичностью, шоковые детали. После описания одного долгого боя, когда «город всю ночь горел» [282], глава начинается со слов: «Филя ест блевотину Старичкова» [282]. Весь последующий текст пронизан усталостью и болезненным опустошением, ощущением бесконечной тоски: «Вхожу в помещение, съездившись от брезгливой дурноты. Запах пороха, и железа, и пота, битый кирпич, битое стекло и этот беспрестанный грохот – чувствую, вижу, и слышу, и не хочу чувствовать, не хочу видеть, не хочу слышать» [283]. Даже детские ассоциации в это время безрадостные: «Шнурки, обращаю внимание на свои шнурки. Кажется, что они кислые на вкус, их можно пожевывать и посасывать, гоняя по рту приятную солоноватую слюну. Откуда-то из детства помню об этом. Рот наполняется слюной. Глотать ее, почему-то холодную, не хочется. Сплювываю» [282].

Мы видим, что герой действительно духовно совершенно опустошен. «Добитый» войной, Егор еще более глубоко погружается в мир физиологии. Даже душевные переживания он описывает посредством телесных метафор: «Чувствую, что мне в глотку провалилась большая тухлая рыба и мне ее

необходимо немедленно изрыгнуть. Отворачиваюсь и закуриваю» [94]. На страницах романа вообще необычайно много физиологичных и натуралистичных, даже шокирующих подробностей: «В глазах стоит дошлое, будто прокопченное тельце со скрюченными пальцами рук, с отсутствующей вспузырившейся половиной лица, где в красном месиве белеют дробленые кости» [94]; «Первый же лежащий с краю труп тянет ко мне корявые пальцы, я иду на эти пальцы, видя только их. Ногтей нет или пальцы обгорели так? <...> Два ногтя стойком стоят, не оторвавшиеся, вмерзшие в мясо подноготное <...> Никак не вижу мертвого целиком, ухо вижу его, забитое грязью, пальцы с вздыбившимися ногтями, драный рукав, волосы дыбом, ширинку расстегнутую, одного сапога нет, белые пальцы ноги с катышками грязи между» [119]; «Волосы вышедших всклокочены, потны, грязны, лица в царапинах и в крови. Ближний ко мне тонок и юн, грудь его дрожит, и губы кривятся, может, от боли, его левая кисть качается в обе стороны – рука, наверное, пробита, изуродована в локте. По пальцам стекает кровь. Андрюха Конь стреляет первым. Он бьет, оскалив желтые зубы» [227]; «Словно увидев нас, дядя Юра, бесштаный, голый, шевелит, машет обрубленными по локоть руками, и грязь, красная и густая, свалившаяся в жирные комки, перекачивается под его культями» [245]; «Дядя Юра еще раз шевельнул обрубками, как плавнями, катнул грязную бордовую волну и затих, с дырявой спиной» [246] и т.п.

Можно заметить, что герой так же не склонен к анализу собственных душевных порывов и поступков, но часто говорит о том, как воспринимает свое тело, и это сказывается на его моральном настрое. Так, измотанный боями, он не раз устало отгоняет мысли о своей роли в чужой смерти или жизни, не желая углубляться в самокопание, не давая себе ответов на возникающие вопросы: «А я ведь человека убил», – думаю устало и не знаю, что дальше надо думать» [278]; «"А почему Степа последний спускался? Ведь должен был я последним уходить. Или Язва..." Отмахиваюсь от этой мысли. Потом, все потом. Так получилось» [255]; или приходя к ответам

априорно, без внутренних объяснений: «Он <Скворец> так молчит хорошо, что я точно знаю, что он всегда на моей стороне, когда я кричу на кого-то, прошу парней о чем-то. И когда молчу, он тоже на моей стороне. Или я на его? Почему я все время о себе думаю? Нет, все-таки он на моей...» [278].

В некотором роде даже больше о происходящем в душе рассказчика мы получаем возможность понять, читая его описание восприятия собственного тела: «"Какие у меня крепкие, жесткие мышцы", – думаю я с горечью, запрыгнув в кузов [170]; «Я открываю глаза и вижу пальцы своих ног, они немного ссохшиеся, словно виноград, полежавший на солнце. "Пацанов убили", – думаю я и морщусь» [242]; «"Мое тело, славное мое тело..." – я пытаюсь почувствовать свои руки и сначала чувствую автомат, его холод, а потом, кажется, еще более холодные свои пальцы; еще я хочу почувствовать свою кожу, свои соски, и узнаю их, болезненные, сморщенные, как у старика, потершись о тельник. "Мое тело", – еще раз повторяю я. Пытаюсь согнуть и разогнуть пальцы, окоченелые, они не поддаются» [176-177]; «Где-то раздается автоматная очередь. Сейчас меня стошнит. Сейчас я осыплюсь, развалюсь на мелкие куски. И язык, как жаба, упрыгает в траву. И мозг свернется ежом и закатится в ямку» [181]. Егор себя воспринимает как тело. Он чувствует, что тело его хорошо – и от этого еще сильнее не хочет умирать, терять свою физическую оболочку; он видит безобразные участки тела – и это перекликается с тоской по убитым; он теряет ощущение собственной цельности, сливается с оружием или метафорически «распадается на части» - и это означает страх.

Позже появляется описание выживших после финального боя, и тела их показаны как вялые, безразличные, измотанные – точно так же, как и их души: «В комендатуре мы обмылись теплой водой. Вяло плескались – голые худые мужчины, – касаясь друг друга холодными ногами, усталыми и ослабевшими руками, осклизлыми спинами. Под ногтями, в густой черной окоемке, собралась овражная слизь и грязь, и кора древесная, и, наверное, Санина кожа, содранная, когда я цеплялся за него, и кожа того, зарезанного...

Болели разодранные ладони, тяжело ныло надорванное ухо, туманно и тошно саднило пробитую голову» [329-330]. Грязь под ногтями, а не память, хранит происшествия прошлой ночи.

Егор безумно боится лишиться своей физической целостности, и показательно, что перед одной из боевых операций от глубокой тоски его спасает не душевное переживание, а то, что он смог сохранить зрение после того, как неловко попал себе в глаз сигаретой: «Радость, что я не ослеп, настолько сильна, что я бодро пихаю в бока идущих мне навстречу товарищей. Накидываю разгрузку, надеваю на бритый череп вязаную шапочку, цепляю на плечо автомат, с радостью чувствую его славную привычную тяжесть» [167]. На границе жизни и смерти герой и вовсе перестает чувствовать свое тело: «Нет моего тела, тело растворилось, только живая белая пятка и жилка на ней – мерзнет...» [315]. Егор в конечном итоге забывает, что вообще значит «душа»: «Что-то связанное с душой... с душой только что убитого человека... с душами недавно убитых людей... никак не могу вспомнить» [229].

В этом плане строчками, наиболее точно и емко дающими характеристику герою и его мироощущению являются следующие: «бью руками по воде, разодранными, рваными, с изуродованными линиями жизни и судьбы ладонями» [315]. Жизнь и судьба Егора Ташевского действительно изуродованы, мир в принципе воспринимается им патологически-болезненно – и любовь, и смерть в душе героя обретают одинаково аномальные, с физиологическим уклоном формы, что приводит к тягостным для него последствиям. Егор к концу своего пребывания в Чечне даже перестает бояться смерти – жизнь настолько страшна, что хуже для него уже ничего не может быть: «Я подумал, что умру, и не испугался. "Усталость выше смерти", – подумал я, и мысль моя мне показалась безмерно глубокой» [295-296].

Герой на самом деле нечеловечески устал, и кажется, что он просто не может уже вместить в себя какие-либо другие чувства: «Смотрю на часы и

тут же забываю, что увидел. Стрелки, цифры – никакого значения, ничто не имеет никакого...» [298]; «"Надо же, я еще людей узнаю... " – удивляюсь я» [177]. Егор теряет и чувство страха: «Ничего не страшно. Кто бы ни пришел, что бы ни сделали с нами – ничего не страшно» [316]. Кажется, Егор достигает пика безразличия к жизни и смерти, и остается в нем только всепоглощающая усталость. Однако, несмотря на весь мрак произошедшего с героем, его внутреннюю опустошенность, в нем все же остается искорка надежды на лучшее, на то, что в этом мире есть не только ужас и смерть: «Мимо летела ласточка и коснулась крылом моего лица. "Мир будет"» [329]. Этот маленький символический эпизод возвращает читателя к началу романа, куда помещено «Послесловие», и дает нам возможность понять, что, несмотря на все невзгоды, в этом мире даже для людей с патологически изуродованной судьбой есть возможность счастья. Проходя тяжелейшие испытания одно за другим, рискуя погибнуть, потерять любимую и своего приемного сына, Егор все же находит в себе силы спасти как себя, так и близких ему людей, чтобы продолжать жить и верить.

Заключение

Подведем итог проделанной работе. В своем исследовании мы проанализировали образ главного героя романа Захара Прилепина «Патологии» Егора Ташевского в контексте его окружения: сослуживцев, семьи и любимой девушки Даши, а так же обратились к восприятию героем Бога. Мы можем сделать вывод, что потеря в раннем возрасте отца послужила сильным ударом для Егора. Тот факт, что в детстве герой оказался предан матерью (она ушла от мужа, оставив с ним сына), на всю жизнь наложил определенный отпечаток на отношение Егора к женщинам. Воспитываемый в интернате без родительской любви, герой навсегда сохранил в душе желание обрести человека, который принадлежал бы ему безраздельно. Подобную надежду он возлагал на Дашу, а поняв, что полностью владеть ею не может, испытал сильное душевное потрясение. В

военных условиях своей условной «семьей» Егор стал считать «пацанов» - сослуживцев.

Таким образом, мы можем убедиться, что к службе Ташевский подошел уже в не совсем здоровом моральном состоянии. К моменту, когда он становится воином, Егор подходит разуверенным во всемогущую силу и милосердие Бога, а так же с неразрешенным внутренним противоречием, касающимся возлюбленной: его чувство не угасает, он воспринимает Дашу как святыню, но не может принять ее прежнего свободного образа жизни. Любовь к Даше не дает Егору пасть в нравственном смысле, стать трусом и дезертиром, поддаться отчаянию и панике; позже любовь к приемному сыну, на которую мальчик искренне отвечает, делает Егора героем – он спасает малышу жизнь. Любовь, которую испытывает сам Егор, становится источником его духовной и жизненной силы. В это же время «обделенность» любовью и связанным с ней самоотречением от других людей, сопровождающая героя всю жизнь, становится основной причиной его уязвимости.

В связи с переживаемыми героем внутренними конфликтами, а также с состоянием постоянного ужаса из-за «патологичности» военной реальности, в Егоре развиваются свои «патологии». В частности, все сильнее обостряется его восприятие реальности в физиологическом плане, а не духовном. Ревность к девушке сводится к ревности, касающейся исключительно ее плотской любви, восприятие себя происходит через тело, жизнь вообще ощущается Егором только с физической стороны. Все, что касается интеллектуальной или духовной сферы, герой либо отрицает (например, книги), либо забывает: «Что-то связанное с душой... с душой только что убитого человека... с душами недавно убитых людей... никак не могу вспомнить» [229].

Однако, несмотря на такое «одностороннее» видение мира, Ташевского нельзя назвать бездуховным героем. Пройдя через многие испытания, он сохраняет веру в лучшее, видит добрые предзнаменования (пролетающую

ласточку, которая возвестила мир), просит за все прощения перед собакой, которая в этот момент воплощает для него все сущее. Безусловно, Егор навсегда сохраняет в душе следы пережитого, о чем ясно свидетельствует мучающее его видение катастрофы, грозящей отнять жизнь у его приемного сына, но в то же время он совершает подвиг, спасая мальчика от смерти. Способность к беззаветной любви и героизму, вера в лучшее (несмотря на постоянную боязнь худшего) подтверждают живущее в Егоре духовное начало.

В заключение отметим, что по результатам проведенной работы мы можем не согласиться с критиком Натальей Курчатовой насчет отсутствия в герое «патологий». Именно аномальность, «патологичность» окружающей его среды повлияла на формирование у него противоестественного видения мира, что нашло свое отражение в заглавии романа. В свою очередь с суждениями Светланы Корчагиной мы склонны согласиться по многим пунктам.

Захару Прилепину в своем романе удалось создать реалистичный образ человека, прошедшего тяжелые испытания в детстве и более зрелом возрасте, видевшего все ужасы войны, но сумевшего сохранить в своей душе светлое начало. Думается, в этом произведении нашел свое отражение личный жизненный опыт автора, также прошедшего через войну. Егор Ташевский – дитя эпохи, когда теряется понимание ценности семьи и любви, происходят войны, и извне в людях умерщвляется духовное начало, но вера и стремление к лучшему, моральные принципы оказываются неистребимыми.

Список использованных источников

1. Пустовая, В. «Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель» [Электронный ресурс] / В. Пустовая. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/pu9.html. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.
2. Курчатова, Н. «Захар Прилепин. «Патологии»» [Электронный ресурс] / Н. Курчатова. – Режим доступа: <http://www.apn->

- nn.ru/diskurs_s/662.html. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.
3. Бондаренко, В. Иди и воюй [Электронный ресурс] / В. Бондаренко. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/08/m48979.htm>. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.
4. Корчагина, С. Онтология войны [Электронный ресурс] / С. Корчагина. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/idea/20/4468>. - [Дата обращения 27 марта 2011 г.]. – Загл. с экрана.
5. Хализев, Валентин Евгеньевич. Теория литературы : Учеб.для вузов .— 2-е изд. — М. : Высш.шк., 2000 .— 398 с. – С. 102-129
6. Прилепин, Захар. Паталогии: роман. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 336 с.